

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-3-468-478

УДК 82-14

Научная статья

Карачаево-балкарская поэзия нового времени: проблема национальных художественных традиций

Р.А. Керимова

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 360000, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, ул. Пушкина, 18

Аннотация. В данной статье впервые рассматривается разнообразный тематический пласт новейшей карачаево-балкарской поэзии конца XX – начала XXI века. Исследование осуществлено на основе анализа творчества писателей 1990-х годов – Артура Баккуева, Любы Ахматовой, Айшат Кушетеровой и новейшей генерации поэтов XXI века – Шамиля Узденова, Амины Газаевой, Науруза Байрамкулова, Дианы Рахаевой, Исмаила Байтуганова. Доказываются возрождение в сознании реликтов архаических форм мировоззрения в художественной культуре региона, а также приоритетность устоявшихся фундаментальных ценностей и стереотипов в поэтическом сознании молодого поколения поэтов. Вместе с тем отмечается усиление влияния исламских идей на современную национальную словесность. Об этом свидетельствует характер их поэтического самовыражения относительно тематики и проблематики, который носит онтологический характер. Поэты активно оперируют традиционными архетипами и символами (камень, вода, дерево), а также религиозной лексикой (Аллах, судьба, предначертание, молитва и т. д.). В результате исследования выявлены основные тенденции, ключевые аспекты в развитии творческого сознания, обозначены доминанты ценностно-ориентационного единства в содержании и проблематике произведений.

Ключевые слова: новейшая карачаево-балкарская поэзия, национальная идентификация, этно-религиозное мировоззрение, концепт судьбы, фольклор

Введение

Новые цели и тенденции, детерминированные глобальными сдвигами в политико-идеологической, духовно-ценностной сферах жизни общества, обозначились в карачаево-балкарской поэзии конца XX – начала XXI века.

Несмотря на актуальность проблематики, стоит отметить, что до сих пор не разработаны критерии классификации современной поэзии. Безусловно, помимо авторитетных изданий М. Гаспарова, М. Эпштейна, Н. Лейдермана, М. Липовецкого о поэзии постмодернизма, существуют более поздние работы, наиболее существенные из них принадлежат И. Шайтанову, Э. Ауэрбаху, Н. Ивановой, П. Ковалеву. Нельзя обойти вниманием статьи известных

ученых-филологов, опубликованные в материалах конференции, посвященной русской литературе XX–XXI веков.

В рассмотрении различных вопросов относительно северокавказской поэзии, в частности, формирования жанровой составляющей, поэтики, стилистики, а также в изучении проблемы диалектики преемственности важнейшую роль сыграли научные труды Г. Гамзатова, Н. Джусойты, А. Мусукаевой, У. Панеш, К. Султанова, З. Толгурова, Т. Биттировой, Ю. Тхагазитова, К. Шаззо, И. Маремшаовой, Ф. Урусбиевой, А. Казиевой, З. Кучуковой, Б. Тетиева и др.

Однако эти исследования охватывают период со второй половины XIX – до середины XX века, а так называемая поэзия нового времени (конец XX – начало XXI века) не становилась объектом отдельного изучения, что усложняет процесс объективной оценки современной литературной ситуации в регионе. В связи с этим возрастает необходимость рассмотрения феномена новейшей карачаево-балкарской поэзии, ввести в научный обиход неизученный до сих пор, незнакомый современному читателю поэтический материал, что позволит воссоздать целостность картины современной художественной мысли региона, формирующейся на базе теснейших взаимосвязей с этнонациональным бытием и социокультурной динамикой российского общества.

В статье используется комплексный подход, комбинирующий элементы сравнительно-типологического, системно-целостного и историко-литературного анализа, который позволяет детально рассмотреть заявленную проблематику, выявить ключевые аспекты в развитии творческого сознания авторов нового поколения.

Обсуждение

Глобальные перемены в общественном сознании, обусловленные в конце 1990-х гг. изменениями в идеологической сфере, вели к стремительной переоценке и смене ценностных ориентиров. Для этнических авторов стала актуальна проблема сохранения традиционных духовных ценностей. Решение данной задачи они видели в противостоянии западноевропейской идеологии и усилении этнокультурного компонента в тексте.

Для карачаево-балкарских поэтов постперестроечного времени значимы так называемые вечные темы, при осмыслении которых каждый из них составляет свои акценты, отражает особенности индивидуально-личностного восприятия жизни. Ведущее место в данном ряду, безусловно, занимает мир интимных чувств. Характерной особенностью его является возросшая энергия эмоций и переживаний лирического героя, больший стилевой диапазон их проявления – от тональности элегического романтизма до сатиры: Н. Байрамкулов *«Мой бег по жизни ты остановила»*, А. Баккуев *«Двустипшия о любви»*, Ж. Аппаева *«Сюдюрмек амалы»* («Любовная методика»).

Развитие любовных переживаний яркое и глубокое осмысление получило в творчестве карачаевского поэта Н. Байрамкулова. Доминирующее романтическое начало, пронизанное элегическими мотивами, определяет ментальное пространство его произведений, которые строятся на выражении личного опыта автора. Предмет элегии – не сама утрата, а рефлексия по поводу

утраты. В связи с этим лирический герой испытывает сложные двойственные ощущения, где горечь утраты сосуществует с воодушевленными воспоминаниями о былом счастье («*Поклонение красоте*», «*Терпение*», «*Серенада*» и пр.). Новаторством отмечены в интимной лирике молодых мотивы противостояния магии сна «яду яви» – «*Ты так далека...*», «*Фиолетовый горизонт Петербурга*» карачаевца Ш. Узденова, контраста чувственной красоты и внутренней пустоты, бездушия – «*Кете эсенг*» («Если уходишь») Л. Ахматовой, тайной либо запретной любви – «*Ах, скойгеним...*» («Ах, любимый») А. Газаевой.

В «мужской поэзии» современных художников слова в любовной тематике присутствует философский аспект, восходящий к кораническому преданию (о предопределенности судьбы), но данная концепция не является доминирующей. Авторы лишь обращаются с вопросом к Богу: «*Может любить тебя мне не дано? / Иль любовь моя Аллаху не угодна...*» [1. С. 22]. Далее демонстрируют отнюдь не смиренность, а любовь вопреки: «*Буду жить теперь в мольбе! / В мольбе о том, что когда-нибудь смогу добиться...*» [1. С. 22]. Более пассивное отношение к судьбе наблюдается в «женской поэзии».

Известно, что впервые «женская поэзия» на Северном Кавказе дебютировала приблизительно в 60-е годы XX столетия. Данный феномен связан с появлением таких имен, как Х. Байрамукова (карачаевка), Т. Зумакулова (балкарка), Лулу Куни (чеченка), Н. Чельдиева (ингушка) и др. В связи с этим исследователь А. Атабиева, отмечает: «В богатой талантами балкарской поэзии и ранее появлялись яркие имена: читатели знают, помнят и любят К. Мечиева, К. Кулиева, К. Отарова и их бессмертные строки. Но Танзиля Зумакулова остается единственной женщиной-поэтессой, вставшей вровень с ними» [2. С. 14]. Однако на рубеже XX–XXI веков происходит расцвет «женской поэзии» в карачаево-балкарской словесности (Ш. Богатырева, Л. Ахматова, Ж. Локьяева, А. Куштерова, Ф. Байрамукова, И. Узденова, Д. Рахаева и др.). Новый лирический субъект более чутко воспроизводит свои ощущения и переживания, что было не характерно для предшествующего поколения. Искренность в основном обусловлена автобиографичностью в тексте, поэтому осмысление различных мотивов связано с субъективной сферой лирики (эмоциями, чувствами, личными переживаниями, жизненными ситуациями).

В женском дискурсе любовные истории часто излагаются в более простой (в рамках народной образности) с использованием фольклорной фразеологии – «*Чакъырма оноугъа*» («Не зови меня советоваться»), «*Сюймеклик деген бумуду?*» («Это и есть любовь?») Д. Рахаевой, «*Къалай сюе эдим, нени да унутуп...*» («Как я любила, забывая про все»), «*Жюрек сюеди...*» («Сердце любит») А. Газаевой, что присуще молодым авторам до тридцати.

Для старшего поколения репрезентативно более драматичное развитие сюжета с усилением психологизма и аналитического начала. Психологически емкие штрихи и оригинальные образные характеристики создает Ш. Богатырева: «*Забыть, как сон, – чтоб взгляд, / пройдя насквозь, / Застыл бы в безразличии и скуке – / Но на ладонях сердце растеклось, / Но падают протянутые руки...*» («Экзамен на приличье – не на чин...»). Свойственная поэтессе металогичность характеризует ее как творческую натуру с гибким ху-

дожественным воображением: «*Я осталась в закате вчерашнего дня, / Я забыла теперь слово “утро”, / Все признанья и клятвы твои – западня, / Паутинная нить каракурта*» («Этюд ля-минор») [3. С. 130–132]. Представленный поэтом спектр художественных средств, безусловно, свидетельствует о новизне стиля изображения субъективного мира эмоций и переживаний.

В галерее женских образов карачаево-балкарской лирики часто встречаются темы ропания на судьбу, ожидания счастья, романтизации безответной любви – «*Билеме*» («Знаю»), «*Вишанады къадаргъа жаным*» («Сердце верит в судьбу»), «*Насындан насыпсыз болгъан*» («От счастья несчастный») Л. Ахматова. Любовная лирика Л. Ахматовой находят свое выражение через образность и символику пейзажа, посредством которого автор выстраивает свою модель лирического переживания, таким образом происходит экстериоризация лирического сознания по Г.Ф. Ситдиковой. Сложные душевные эмоции в тексте вербализуются посредством водных образов: дождя, мокрого снега, часто окрашенных в темные тона – *къара жаун (черный дождь), къара къар (черный снег)*. Подобное встречается у карачаевской поэтессы Ш. Богатыревой: чувства растерянности, тревожности, безвыходности связаны с природными стихиями – *ветром, ураганом, громом* и т. д. Во многих произведениях пейзажные картины носят функциональный характер, символическое восприятие ландшафта уходит на второй план, первостепенной задачей становится выражение ощущений (внутренних переживаний, душевных надломов и смятений) через внешний природный и предметный мир («*Ветер унес звезды*» Л. Ахматовой, «*Провожая осенний вечер*» А. Кушетровой, «*Ночной ветер*» Ш. Богатыревой).

Стоит отметить, что в «женском письме» любовь изначально обречена на разлуку, героини интуитивно предчувствуют разрыв отношений, например в «*Сюймеклик жырла емюрлюкдиле...*» («Песни о любви вечны») Л. Ахматовой, «*Атынгы шыбырдай, елюргеми?..*» («Твое имя шепча, умирать?..») А. Газаевой, «*Узатма къолунгу*» («Не протягивай мне свою руку») Д. Рахатовой. Данный феномен в большей степени связан с исламской теологией. Религиозное мировосприятие формирует в сознании героинь сопричастность судьбы к развитию отношений. Канонические категории «*предначертание/предписание*», «*судьба/не судьба, рок*» занимают все ментальное пространство поэтических текстов вышеозначенных авторов. «*Кете эсенг-ашхы жолгъа! / Мадар жокъду къадаргъа...*» («Если уходишь – доброго пути! / Нет сил противостать судьбе...») [4. С. 44]; «*Бирге болалмайбыз, угъай, башха къадар буюрулгъанды*» («Не быть нам вместе, нет, другая судьба начертана») [5. С. 95]; «*“Нек?” – деп, сорама къадаргъа, / Излей кесиме мадарла / Ол а онг бермейди бизге, / Атып сезим тенгизине!*» («“Почему?” – не спрашивай у судьбы, / Ищу я способ для себя, / Но она не дает нам возможность, / Бросает мои чувства в океан!») [5. С. 113]. Поэты чувствуют некую безысходность, слабость перед судьбой. Психологическое состояние лирического субъекта, глубина переживаний подкрепляются в тексте лексемами и символами, имеющими «прямо религиозное» основное значение: *къадар* (судьба), *мадар* (возможность), Бог, *тилек* (молитва), и расширенное контекстуальное религиозное звучание: *насып/насыпсыз* (счастье/несчастливый), *умут* (надежда),

тезюм (терпение) и др. В творчестве поэтов нового поколения мы наблюдаем преимущественно пассивное отношение к судьбе, корни данной позиции также восходят к этнокультурным представлениям карачаево-балкарского народа о концепте «*къадар*» (судьба). Являясь одним из основополагающих категорий духовной мировоззренческой системы этноса, в карачаево-балкарском лингвокультурном пространстве *къадар* может использоваться в различных значениях: *рок, предначертание, жребий, предназначение, доля* и т. д. Покорное отношение балкарцев к судьбе исследователю И.Р. Табаксоева трактуется так: «Сила судьбы проявляется в способности программировать жизнь человека и побуждать его к пассивному принятию предначертанных реалий: адамдан къадар кючлю (судьба сильнее человека), къадар къыйнап телетир, заман сынап юйретир (судьба заставляет расплачиваться (за грехи) муками, время учит испытаниями)» [6. С. 107].

Современная «женская поэзия» представляет собой систему, репрезентированную именно в плане гендерной маркированности «женского стиля», аккумулирующего опыт старших коллег по поэтическому цеху – Х. Байрамкуловой, Т. Зумакуловой и др. Однако при всей ориентированности молодых на традицию нельзя отрицать тот факт, что поэзия ранних периодов была более «сдержанной». Таким образом, тема любви является магистральной для карачаево-балкарских авторов, но не основной.

Наряду с трансформацией формы мировосприятия, детерминирующей создание новой модели художественного мышления, в творчестве нового поколения карачаево-балкарских авторов наблюдается явное доминирование интереса к национальной картине мира. В иерархии приоритетов социально-идеологические аспекты жизни, изображение всероссийских исторических событий (например, Великой Отечественной войны), социально-политический жанр и прочие уступают место этническим ценностям, которые определяют авторский идеал и зачастую этноаксиологический вектор нравственной проблематики (род, дом, народные традиции).

Известно, что писателей советского времени объединяла идейная (партийная) направленность их творчества, важна была не национальная идентификация, а интернациональная сплоченность. То есть национальная идентификация не являлась определяющим в развитии северокавказской словесности. Псевдовосполнением этнонационального подчас служило усиление внимания к внешним атрибутам, вопреки той простой истине, что «...изображать в литературе национальное – не значит воплощать в ней национальные пережитки, старинные обычаи, нравы...» (Н. Гуляев). Схожее мнение у новозеландского ученого Х. Поснета, который считал, что национальная литература развивается «внутри мировой литературы».

Но при этом, отрадным было то, что творчество таких корифеев, как осетин И. Джанаев (Нигер), аварец Р. Гамзатов, балкарец К. Кулиев и другие, формировалось на совокупности концептов и образных представлений, разработанных в недрах русской эстетической мысли. Стремление к индивидуальному лирическому переживанию, к употреблению эмоционально насыщенных и неклишированных образов аргументировано в их произведениях нормами свободного владения культурными концептами и универсальными для мировой литературы объектами [7].

Иными словами, индивидуальный стиль северокавказских «первопроходцев от поэзии» являл собой сплав русской классической традиции с принципами национального эстетического отражения мира – того единства, которого уже было лишено большинство представителей последующих поколений, всецело оказавшихся под прессом идеологических догм официальной эстетики. Но в карачаево-балкарской литературе наступает совершенно новый этап, когда внимание авторов сосредоточено на исследовании духовного мира современников, на воплощении их нравственных качеств, определении жизненной позиции. Именно формирование религиозно-национального мировоззрения и отход от сомнительных принципов и норм поведения являются организующим центром художественной картины мира в творчестве современных карачаево-балкарских поэтов.

Молодые авторы в первую очередь стремятся обогатить свои произведения образами собственной национальной культуры: фольклорными сравнениями, вкраплениями элементов обрядности, народных этических норм, бытовых традиций, отзвуками мотивов эпоса, примерами из собственной жизни, придающими им своеобразную ментальную окраску и идеализирующими уклад жизни народа (стихи из цикла «*Большой Карачай*» Ш. Богатыревой, «*Рай*» А. Баккуева, «*Я преклоняюсь перед вами, горы*» Н. Байрамкулова, «*Кязим*» А. Газаевой, «*Балкарский войлочный ковер*» Л. Ахматовой, «*Карачай, Теберда*» Д. Рахоевой и др.). Об этом свидетельствуют выбор тематики и частое употребление архаизирующих средств языка, придание тексту исторического колорита, например, в «*Ангыламайма заманны*» («Не понимаю время») Д. Рахоевой, «*Таулула*» («Балкарцы») И. Байтуганова, «*Кязим*» А. Газаевой, «*Азатлыкъ*» («Освобождение») Ж. Аппаевой, «*Джолну эки джанындан буруула*» («Препятствия на дороге») Н. Байрамкулова, «*Сорууума джууаб*» («Ответ на мой вопрос») Ш. Узденова.

Усиление национально-религиозного мировоззрения актуализирует архаическое начало в тексте, иногда преднамеренное культивирование его:

Тюшондюм – бир башха джуртда, сен
Олтурсанг да ханны къатында,
Болалмазса болгъанча ехтем
Джуртунгу сен эшик артында.

Убедился я – если будешь на чужбине ты
Сидеть хоть рядом с правителем,
Не сможешь так гордиться,
Как на родной земле, сидя «за дверью».

Ма, андан къууанады тиним –
Анамы къолундача джашай,
Къайтарады, ура, джюрегим:
Къарачай! Къарачай! Къарачай!
[8. С. 65.]

Вот поэтому так радуется душа моя –
Живу словно на руках у матери,
Повторяет, ура, сердце:
«Карачай! Карачай! Карачай!»

Метафора укорененности поэта в родную почву ассоциируется со связью матери и ребенка. Метафоризация образа родины, сравнение ее с матерью создает представление об едином организме мироздания, позволяющее ощутить свою сопричастность «природному естеству» (М. Эпштейн).

Фольклорное сознание героя в качестве смысловых средств оперирует традиционной системой образов – реликтами мифологического мировосприятия, отсылками к нартскому эпосу о карачаево-балкарском этикете (менее почетным считалось место, близкое к дверям, куда обычно сажали молодых). Основной целью при этом является создание художественной модели нацио-

нального образа мира, где человек неразрывно связан с малой родиной, со своим народом. Тематическое единство в развитии локуса «Родина/Дом» объединяет целый ряд поэтов, чья лирика характеризуется обращенностью к «собственным корням», к своей национальной истории: Л. Ахматову – «*Таула – таулуну юю...*» («Горы – дом балкарца»), Ж. Аппаеву – «*Черекни жырына тынгылай*» («Слушая песню реки»), Н. Байрамкулова – «*Кечеге шахарда*» («В ночном городе»), Д. Рахаеву – «*Бызынгы череги*» (Бызынгийская речка), А. Баккуева – «*Ата журтум*» («Родина»). В формировании лирических жанров выявляется приоритетная роль архетипических образов/символов (мифообразы *камня, воды, горы, горной речки*) в тексте.

В развитии традиционной для карачаево-балкарской литературы темы поэта и поэзии прослеживается унаследованная кулиевская «формула» авторского мировосприятия. Не будет ошибочным утверждение, что творческое наследие писателя является признанием в любви родному краю, народу, каждому камню. Предназначение поэта классик видел в восхвалении своего народа: «Милые и неподкупные кудесники, вы высоко несли знамя души своего народа, ни разу не уронив его, и оно поныне развевается над нами» [9. С. 65]. Желание следовать этическим принципам своего предшественника проявляется в творчестве Ж. Аппаевой – «*Фахмулуну кьулу...*» («Слуга таланта»), Ш. Узденова – «*Ахыр поэт болмам*» («Не самым плохим поэтом буду»), «*Ийнамлы назмучу болурма*» («Буду искренним поэтом»), «*Поэзияны джолунда*» («На пути поэзии»), А. Баккуева – «*Жыр аламаты-жерге...*» («Прекрасной песни – земле...»), «*Къаламымы эрлай алып кьолума...*» («В руки быстро ручку взяв...»).

С точки зрения художественного творчества «преемственность – естественный закон общественно-исторического и, соответственно, литературного развития» [10. С. 45]. Так, организующим центром национальной картины мира в творчестве современных карачаево-балкарских поэтов является понятие преемственности в самых различных его проявлениях. В частности, тенденция к стилизации фольклорных образов и актуализации архаического сознания ярко выражена в творчестве молодого карачаевского поэта Ш. Узденова. В его лирике большое развитие получает образ хвастуна/болтуна/шутника – «*Сандыракъгъа сезюм*» («Послание болтуну»), «*Сандыракъны джыры*» («Песня шутника»). Корни данного образа восходят к карачаево-балкарскому эпосу, к жанру песни и танца с развлекательной функцией. В карачаево-балкарском словаре *сандыракъ* трактуется как бредить, дурачиться; этимология слова восходит к древнетюркскому *sandiri* – говорить бессвязно, сбиваться в речи, болтать вздор. В фольклоре жанр песни-пляски «сандыракъ» считался одним из культовых, но впоследствии трансформировался в другую жанровую систему – смеховые песни. Сандыракъ стал популярным танцем пастухов [11. С. 104]. Лирический жанр с использованием фрагментов фольклорных сюжетов и с установкой на смеховую дискредитацию человеческих пороков заполняет текстовое пространство Ш. Узденова. Молодой автор избегает гротесковых условных форм образности, отдавая предпочтение более мягким приемам, призванным не только высмеять, но и доставить читателю эстетическое удовольствие: «*Миниб сыртсыз ийнекге, / Учуб*

чыкъдым да кекге, / Таи макъа учуб джетди, / Бизни оз ду да кетди» («Оседлав безхребетную корову, / Полетел на небо я, / Черепаха, вслед за нами полетев, / Перегнала нас и улетела») [8. С. 20]. Использование тонких комических приемов позволяет автору добиться комедийности. Фольклорный образ болтуна трансформируется в лирике другого автора – Ж. Аппаевой – в современного героя-хвастуна (махтанчакъ). В отличие от своего коллеги по перу она создает данный образ с назидательной целью. Автор умышленно опускает комедийный эффект и усиливает сатирическое начало: «Къоркъупму къалдын?! Бир тохта, / Къайрыса, шуех, къайт бери, / Энтта да кесинги макта!..» («Испугался что ли?! Подожди, / Куда ты, друг, вернись обратно, / Продолжай расхваливать себя!..») [9. С. 40]. Поэт обращается к хвастуну с целью разоблачения его, здесь образ создан не с развлекательной целью, как у Узденова, а с поучительной, в чем и заключается разница между сатирой и юмором.

В реалиях сжимающихся границ этнонационального мира обозначились тенденции, не характерные для художников старшего поколения, в частности, репрезентации историко-культурного аспекта: преломление таких категорий, как «народная трагедия», «судьба героя в трагических обстоятельствах», «дискриминация по национальному признаку» и т. д. Известно, что освещение трагедии депортации карачаевцев и балкарцев долгое время было «под запретом» либо изображалась при помощи «эзопова языка». Современные поэты демонстрируют иной взгляд в осмыслении данной тематики, новизна которого заключается в открытости, ясности мысли, «оклеймении пороков» советской системы и убежденности в правоте своих позиций [12. С. 538]: «Жашларынг къан теге уруида, / Къартынг, сабийинг а, къуруша, / Баргъандыла мал вагонлада, / Алагъа къыяма айлана» («В то время, когда твои мужчины проливали свою кровь на войне, / Замерзающих от холода стариков и детей везли в вагонах для скота») [5. С. 115]; «Къыйналгъанды халкъым, къыйналгъанды, / жерине термилип таралгъанды» (Настрадался мой народ, настрадался, / Тоскуя по Родине, измучался) [5. С. 96]; «Народа стон! Ис гор идуций эшелон...» [1. С. 114].

Таким образом, мы наблюдаем эволюционные процессы в карачаево-балкарской словесности, детерминированные смещением акцента с поэтической формулы «Вселенная, земной шар – наш дом, наш очаг» (Е. Жабоева), которая была в 1960–1970-е годы универсальной для художников слова всех национальностей, на «восточную» и традиционную северокавказскую художественные культуры.

Заключение

Резюмируя, можно отметить, что в карачаево-балкарской поэзии нового времени устойчива ориентация на национальную художественную традицию, которая в достаточной мере открыта и восприимчива к усвоению достижений мировых художественных практик и адаптации их к собственным духовно-ментальным запросам.

Усиление внимания к этнически маркированным текстовым смыслам в определенной степени связано с эпохой глобальных переустройств, вызывающих ответную реакцию – стремление отстоять внутренние, базовые составляющие этноса. Мифологемы дома, отчей земли (Балкария/Карачай) – сквозные

образы в текстах; через них поэты создают художественную реальность, объединяющую архаическое сознание, исторический и социальный опыт с индивидуально-личным началом. При этом наблюдается тенденция к идеализации образа жизни народа, интенсивное обращение к этнокультурному материалу (фольклору: обрядам, бытовым традициям, национальным версиям эпоса «Нарты»).

Среди доминирующих жанровых форм выделяются элегический модус (с его модификациями: элегическим романтизмом Н. Байрамкулова, эстетизацией печали А. Газаевой, Л. Ахматовой) и молитва (Л. Ахматова, А. Баккуев, Н. Байрамкулов). В то же время в устоявшуюся жанровую парадигму вносятся новые тенденции. В творчестве ряда авторов наряду с традиционными обрели дальнейшее развитие и заимствованные жанры. Так, не угасает интерес к европейскому сонету, освоенному еще в середине XX века балкарским поэтом М. Мокаевым и вступившему в пору своего расцвета в творчестве «шестидесятников». Особо востребован сонет у А. Баккуева («Сонет») и А. Газаевой (цикл сонетов «Сонетле» – «Сонеты»).

Актуальны свободные формы, подвергнутые в свое время суровой критике за «чуждость национальному духу», за проявления абстракционизма и формализма; это – верлибр и белый стих (А. Газаева, А. Баккуев). Активно развивается в означенные годы жанр стихотворной миниатюры. Философски объемны по содержанию лаконичные строки мастеров слова, апеллирующие к онтологическим смыслам бытия: «*Эшта, келир кюнюм сакъланмаз...*» («Видимо, тот день не отсрочить»), «*Къарангы кекде чыгъады ай*» («В темном небе появилась луна») А. Баккуева, «*Жауун аллы*» («Перед дождем») А. Газаевой, «*Чапыракъла акъгъанча терекден*» («Словно листья с деревьев спадают»), «*Насыпсызгъа санайма мен...*» («Считаю я несчастным») Л. Ахматовой и др.

Утонченные образцы романсовой лирики встречаются в творчестве Ш. Богатыревой. Блестящим новаторским явлением в карачаево-балкарской стиховой культуре стали двустихья о любви А. Баккуева.

Оставаясь в русле традиционных ценностных понятий (любовь, добро, верность отчизне, уважение к обычаям предков), новейшая лирика демонстрирует заметное обновление тематики, системы образов, высвечивая перспективу дальнейшего развития региональной художественной мысли.

Отмеченные явления проблемно-тематической и жанровой-стилевой стратегии карачаево-балкарской поэзии играют важную роль в исследовании феномена художественного сознания региона.

Список литературы

- [1] *Байрамкулов Н.* Корабли воспоминаний. Черкесск: Аланский Эрмитаж, 2012. 256 с.
- [2] *Атабиева А.Д.* Лирика Т. Зумакуловой: традиции и новаторство. Нальчик: Эльбрус, 2008. 128 с.
- [3] *Богатырева Ш.* Под знаком вечности: проза, поэзия, публицистика. Черкесск: Карачаево-Черкесское респ. кн. изд-во, 2008. 158 с.
- [4] *Ахматова Л.Ч.* Тилек (Молитва). Стихи. Нальчик: Эльбрус, 2013. 152 с.
- [5] Тейри кылыч (Радуга): сборник произведений молодых балкарских авторов: стихи, рассказы, сказки / сост. Б.А. Глашев, М.М. Ольмезов. Нальчик: Эльбрус, 2011. 144 с.
- [6] *Табакоева И.Р.* Концепт «судьба» как ядерный компонент лингвокультурного пространства (на материале карачаево-балкарского языка) // Научный диалог. 2016. № 6 (54). С. 106–113.

- [7] Керимова Р.А. Индивидуальные особенности лирики К. Кулиева. Нальчик: КБНЦ РАН, 2016. 160 с.
- [8] Узденов Ш.А. Чекде (На границе): стихи. Черкесск: Изд-во Карачаевского НИИ, 2008. 136 с.
- [9] Кулиев К. Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. 463 с.
- [10] Благой Д. Диалектика литературной преемственности // Вопросы литературы. 1962. № 2. С. 94.
- [11] Хаджиева Т.М. М.П. Гайдай как собиратель и исследователь карачаево-балкарских народных песен // Известия СОИГСИ. 2017. № 26 (65). С. 103–115.
- [12] Керимова Р.А. Депортация карачаевцев и балкарцев в творчестве современных поэтов (на примере новейшей карачаево-балкарской поэзии) // Oriental Studies. 2019. № 3. С. 535–543.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 марта 2020 г.

Дата принятия к печати: 25 марта 2020 г.

Для цитирования:

Керимова Р.А. Карачаево-балкарская поэзия нового времени: проблема национальных художественных традиций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 3. С. 468–478. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-3-468-478>

Сведения об авторе:

Керимова Раузат Абдуллаховна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр “Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук”». E-mail: K.roza07@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-3-468-478

Research article

Karachay-Balkar poetry of the modern time: the problem of national artistic traditions

Rauzat A. Kerimova

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
18 Pushkina St, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, 360000, Russian Federation

Abstract. This article is the first to consider a diverse thematic layer of the latest Karachay-Balkarian poetry of the late XX – early XXI centuries. The study was based on an analysis of the writers of the 90-ies: Arthur Bakkuev, Luba Akhmatova, Aishat Kushcheterova, and the latest generation of poets of the XXI century: Shamil Uzdenov, Amina Gazaeva, Nauruz Bayramkulov, Diana Rakhaeva, Ismail Baytuganova. The author proves the point of view on the revival of consciousness relics of archaic forms of worldview in the artistic culture of the region, as well as the priority of established fundamental values and stereotypes in the poetic consciousness of the young generation of poets. At the same time, the influence of Islamic ideas on modern national literature is growing. This is evidenced by the nature of their poetic self-expression

regarding topics and problems, which is ontological in nature. Poets actively operate with traditional archetypes and symbols (stone, water, wood), as well as religious vocabulary (Allah, fate, destiny, prayer, etc.). As a result of the study, the main trends, key aspects in the development of creative consciousness were identified, the dominants of value-orientational unity in the content and problems of the works were identified.

Keywords: the latest Karachay-Balkarian poetry, national identification, ethno-religious worldview, the concept of fate, folklore

References

- [1] Bairamkulov, N. (2012). *Korabli vospominaniy* [*Ships of Memories*]. Cherkessk, Alanskiy Ermitazh Publ.
- [2] Atabiyeva, A.D. (2008). *Lirika T. Zumakulovoy: Traditsii i novatorstvo* [*Lyric of T. Zumakulova: Traditions and innovation*]. Nalchik, Elbrus Publ.
- [3] Bogatyryova, Sh. (2008). *Pod znakom vechnosti* [*Under the sign of eternity*]. Cherkessk.
- [4] Akhmatova, L.Ch. (2013). *Tilek* [*Prayer*]: Poems. Nalchik, Elbrus Publ.
- [5] Glashev, B.A., & Olmezov, M.M. (Comp.). (2011). *Teiri kylych (Rainbow): Collection of works by young Balkarian authors: Poems, short stories, fairy tales*. Nalchik, Elbrus Publ.
- [6] Tabaksoyeva, I.R. (2016). Kontsept “Sud’ba” kak yadernyy komponent lingvokul’turnogo prostranstva (na materiale karachayevo-balkarskogo yazyka) [The concept of “Fate” as a nuclear component of the linguocultural space (based on the Karachai-Balkarian language)]. *Nauchnyy dialog* [*Scientific dialogue*], 6(54), 106–113.
- [7] Kerimova, R.A. (2016). *Individual’nyye osobennosti liriki K. Kuliyeva* [*Individual features of the lyrics of K. Kuliev*]. Nalchik, KBNCs RAN Publ.
- [8] Uzdenov, Sh.A. (2008). *Chekde* [*At the border*]: Poems. Cherkessk, Publishing House of the Karachayevsky Research Institute.
- [9] Kuliyev, K. (1975). *Tak rastet i derevo* [*So does the tree grow*]. Moscow, Sovremennik Publ.
- [10] Blagoy, D. (1962). Dialektika literaturnoy preymstvennosti [Dialectics of literary continuity]. *Voprosy literatury* [*Questions of literature*], (2), 94–99.
- [11] Khadzhiev, T.M. (2017). M.P. Gayday kak sobiratel’ i issledovatel’ karachayevo-balkarskikh narodnykh pesen [Gaiday as the Collector and Researcher of the Karachay-Balkarian Songs]. *Izvestiya SOIGSI*, 26(65), 103–115.
- [12] Kerimova, R.A. (2019). Deportatsiya karachayevtsev i balkartsev v tvorchestve sovremennykh poetov (na primere noveyshey karachayevo-balkarskoy poezii) [The deportation of Karachais and Balkars in the works of contemporary poets (on the example of the latest Karachay-Balkarian poetry)]. *Oriental Studies*, (3), 535–543.

Article history:

Received: 10 March 2020

Revised: 12 March 2020

Accepted: 25 March 2020

For citation:

Kerimova, R.A. (2020). Karachay-Balkar poetry of the modern time: The problem of national artistic traditions. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(3), 468–478. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-3-468-478>

Bio note:

Rauzat A. Kerimova, Candidate of Philological Sciences, research scientist of the Department of Balkar Literature of the Humanities Research Institute – branch of the Budgetary Scientific Institution “Federal Scientific Center ‘Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences’”. E-mail: K.roza07@mail.ru